

НОВЫЯ КНИГИ:

Kirche, Volk und Staat. Stimmen aus der Deutschen Evangelischen Kirche zur Oxforder Weltkirchenkonferenz. Furche-Verlag. Berlin. 1937.

Германскимъ протестантамъ не позволили прѣхать на Оксфордскую конференцію. Они выпустили сборникъ, чтобы сказать свое слово объ обсуждавшихся на конференціи жгучихъ вопросахъ христіанской совѣсти: отношеніи христіанства къ государству, націи и соціальной жизни. Въ сборникѣ участвовали лишь тѣ протестанты, которые могли сказать свое слово въ Германіи, лишь конфирмисты, приспособившіеся къ режиму. Сборникъ производитъ неровное впечатлѣніе. Есть статьи, производящія отвратительное впечатлѣніе, таковы статьи Althaus'a, von Verschuer'a, G. May, Behm'a, Schreiner'a, Ellwein'a, есть болѣе приличные авторы, которымъ не мѣсто въ сборникѣ, какъ Dibelius и Wenland. Но одно ясно: изъ странъ диктатуры, изъ тоталитарныхъ государствъ не можетъ быть услышано правдивое и свободное слово, лучше молчать тѣмъ, которые не хотятъ отказаться отъ своей совѣсти или подвергнуться гоненію. Книга «Kirche, Volk und Staat» производитъ мучительное впечатлѣніе отсутствіемъ свободы сужденія, она написана въ застѣнкѣ. Есть сходство съ совѣтскими философскими книгами. Всѣ диктатуры одного духа. Тотъ же вынужденный конформизмъ, приспособленіе къ власти, тоже отсутствіе свободы мысли, тоже безсовѣстность. Отрицаніе христіанскаго универсализма есть характерная черта нѣмецкихъ протестантовъ-націоналистовъ. Основнымъ вопросомъ христіанскаго сознанія оказывается вопросъ о Volk, о расѣ, этому вопросу придается почти догматическое значеніе, совсѣмъ какъ вопросу о классѣ въ совѣтской Россіи. Это не есть проблематика, рожденная изнутри, это проблематика, навязанная сверху, приказанная. Признается какъ бы боговоплощеніе въ народѣ, это основной тезисъ, навязанный христіанской вѣрѣ въ угоду гитлеровской Германіи. Безсовѣстность заходитъ такъ далеко, что люди, почитающіе себя христіанами, защищаютъ все, что приказано защищать, — выработку избранной расы путемъ евгеники, антисемитизмъ, стерилизацію и пр. Оправдывается система скотоводства, обращеніе съ людьми, напоминающее выработку породистыхъ свиней, лошадей и др. животныхъ. Современная германская расовая доктрина съ научной точки зрѣнія несостоятельна и нелѣпа, съ моральной точки зрѣнія безчеловѣчна и безнравственна. Нѣмецкіе христіане впадаютъ въ самыя грубыя формы натурализма. Натурализмъ этотъ не можетъ не быть антиперсонализмомъ, отрицаніемъ цѣнности и достоинства всякой человѣческой личности. Въ этомъ антиперсонализмѣ я вижу сущность сборника. Но это есть также антихристіан-

ство. Чувствуется преобладание ветхаго завѣта надъ новымъ и худшихъ сторонъ ветхаго завѣта, можетъ быть даже вѣрнѣе было бы сказать преобладание язычества. Аргументація придается традиціонно богословская форма, ей хотять сообщить характеръ богословскаго авторитета. Рабское отношеніе къ власти оправдывается ссылкой на Ап. Павла. Это очень традиціонно къ сожалѣнію. Развивается спеціально протестантское ученіе объ *Ordnungen*. Постоянно ссылаются на авторитетъ Лютера. И тутъ сказываются роковыя послѣдствія того, что Лютеръ произвелъ реформацію, опираясь на князей, и передалъ церковь во власть князей. Лютеровское провозглашеніе свободы христіанина уже совсѣмъ не чувствуется, а чувствуется лютеровское порабощеніе церкви государству и національности.

Авторы сборника отрицаютъ естественное право, права чело-вѣка. *Althaus* поклоняется силѣ, а не правдѣ, враждуетъ противъ христіанизации и этизации политики. *Behm* съ особенной радостью заявляетъ, что Новый Завѣтъ не проповѣдуетъ гуманисти, мірового гражданства, освобожденія рабовъ и жеищинъ. Очевидно онъ считаетъ возможнымъ вывести изъ Евангелія оправданіе безчеловѣчности, войны и рабства. Апологія войны — характерный мотивъ сборника. *Verschner* враждуетъ противъ Франціи за ея гуманизмъ и свободолюбіе. Онъ требуетъ запрещенія смѣшенія расъ и стерилизации. *May* по традиціи правыхъ упоминаетъ о масонской опасности. *Gerber* противъ пасифизма и лиги націй, за войну. *Schreiner* враждуетъ не противъ либерализма, какъ ему кажется, а противъ свободы, противъ провозглашеніи христіанствомъ свободы духа. Отрицаніе автономіи личности превращается въ отрицаніе личности. Въ этомъ отрицаніи личности пафосъ сборника. Провозглашаютъ, что цѣлое больше единичнаго. Но это и есть главная ложь. Что цѣлое больше единичнаго, т. е. больше части, подъ которой обыкновенно понимается человѣческая личность, это есть математическое, а не моральное сужденіе. Морально часть, единичное больше цѣлаго. Человѣческая личность больше государства и націи, больше міра, въ ней верховная цѣнность. Такова экзистенціальная іерархія цѣнностей. Для авторовъ сборника чело-вѣкъ только злой. Это довольно традиціонный въ исторіи христіанскаго сознанія мотивъ. Но позволительно спросить, почему всѣ *Führer*'ы, всѣ власти, всѣ пасторы, провозглашающіе, что чело-вѣкъ золъ, менѣе злые и болѣе проникнуты добромъ? И не являются ли они слишкомъ часто воплощеніемъ зла? Молодежь оказывается должна стоять подъ жестомъ служенія законнической педагогики. Не должно чувствовать себя личностью. Воспитаніе чело-вѣка не есть воспитаніе личности, т. е. образа Божьяго, а воспитаніе послушнаго орудія для расы, для націи, для государства. Не безъ основанія говорится въ сборникѣ, что согласно современной германской идеологіи нѣтъ тоталитарнаго государства, а есть лишь тоталитарный народъ. Но тоталитарное государство есть орудіе тоталитарнаго народа, этого идола. По мнѣнію *Ellwein*'а народъ дѣлается націей въ національ-соціалистическомъ государствѣ. Восхваляется типъ нѣмецкаго князя и профессора, чиновника и офицера. Нужно только сказать, что профессоръ, который былъ большой фигурой въ Германіи XIX вѣка, сейчасъ играетъ очень жалкую роль, онъ долженъ исполнять приказы чиновника и офицера. Фигура же князя замѣняется демоніакальной фигурой диктатора, вождя. Христіанамъ болѣе подобало бы склоняться передъ образомъ святого, а не чиновника и офицера. Нѣтъ ничего ужаснѣе образа нѣмецкаго, особенно прусскаго офицера. Согласно *mot d'ordre*, авторы сборника ведутъ борьбу противъ міровой опасности большевизма. Но опасность фашизма и національ-соціализма

есть также мировая опасность. Мiру грозитъ рабство — вотъ главная опасность. Мiру грозитъ война и авторы сборника все дѣлаютъ для усиленія этой опасности. Они совсѣмъ не сознаютъ исторической вины христіанъ, вины за большевизмъ. Въ сборникѣ ничего, конечно, не могло быть сказано о трагическомъ конфликтѣ гитлеровскаго режима съ христіанствомъ, о преслѣдованіи христіанъ въ Германіи. У протестантовъ, участвующихъ въ этомъ сборникѣ, совсѣмъ какъ будто отсутствуетъ сознание вѣчнаго конфликта царства Божьяго и царства кесаря, церкви и государства, личности и общества. Когда читаешь этотъ сборникъ, то чувствуешь огромныя преимущества католическаго универсализма и католическаго гуманизма. Въ современномъ мiрѣ среди христіанскихъ конфессій все же лучше всѣхъ лѣвые католики, говорю именно лѣвые католики. Нѣмецкіе протестанты, издавшіе этотъ сборникъ, въ сущности не національ-соціалисты и не фашисты, для этого они не достаточно модерны. Это консерваторы-націоналисты, вѣрнѣе, реакціонеры, приспособившіеся къ современному режиму и надѣющіеся извлечь изъ него пользу для своихъ національно-государственныхъ симпатій, для своего рабьяго пониманія христіанства. Они остаются внѣ происходящей въ мiрѣ работы христіанской совѣсти. Но сборникъ не долженъ вводить въ заблужденіе. Въ Германіи происходитъ работа христіанской совѣсти, но не у этихъ протестантовъ, у другихъ, способныхъ на жертвы и борьбу.

Николай Бердяевъ.

Igor Smolitsch. Leben und Lehren der Starzen. Wien: Thomas Verlag. 1936.

Русскіе старцы XIX в., безусловно, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ и глубокихъ явленій въ жизни русской церкви. Къ сожалѣнію, описанія и характеристика жизни и дѣятельности старцевъ страдаютъ обычно **стилизацией**, — не одинъ Достоевскій, но и большинство авторовъ книгъ о старцахъ, впадали въ этотъ грѣхъ. Между тѣмъ старчество, — особенно въ той формѣ, какъ оно проявилось въ Россіи, — явленіе очень сложное, отчасти неразгаданное: оно далеко выходитъ за предѣлы монастыря и монашества, являясь выраженіемъ творческаго вхожденія Церкви въ жизнь мiра. Въ этомъ порядкѣ старчество связано съ теократическими тенденціями Церкви, съ ея мыслью о мiрѣ и мiрской жизни. Дѣйствуя на отдѣльныя души, чуждаясь всякаго отношенія не только къ мiрской, но и къ церковной власти, старцы вмѣстѣ съ тѣмъ несутъ въ мiрѣ заботу и думу Церкви о мiрѣ съ такой силой и авторитетностью, какія несравнимы ни съ какими претензіями мiрской и даже церковной власти.

Въ русской жизни XIX и XX в. старчество, стоя въ сторонѣ и ни на что не претендуя, имѣло въ то же время огромное, еще мало изученное вліяніе на русскую жизнь. Не одна Оптина пустынь, но она, конечно, въ особенности, — вліяли на самыхъ выдающихся русскихъ людей, какъ бы подготавливали русскія души къ тому испытанію, какое пришлось пережить русской Церкви въ XX вѣкѣ. Въ старчествѣ съ огромной силой проявились творческія силы Православія, широта и свобода православнаго отношенія къ современности.

Если даже мы, русскіе, обычно слишкомъ вышше судимъ о старчествѣ, то для западныхъ христіанъ оно остается почти совсѣмъ непонятнымъ. Отдѣльныя статьи, посвященныя старчеству въ иностранныхъ изданіяхъ, большей частью совсѣмъ не вводятъ въ его